

Лета Югай

Вертоград в августе

Лета Югай

Вертоград в августе

Москва

«Воймега»

2020

УДК 821.161.1-1 Югай
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Ю15

Л. Югай

Ю15 Вертоград в августе / Лета Югай. – М.: Воймега, 2020. – 132 с.

ISBN 978-5-6044237-8-3

*Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры
России и техническом содействии Союза российских писателей.*

ISBN 978-5-6044237-8-3

© Л. Югай, текст; 2020
© «Воймега»; 2020

Дуб колыбельный

Книга-сад

Когда мне было девять лет, миру тоже было девять лет. <...> Когда же мне исполнилось десять лет, миру стало неожиданно десять миллионов миллиардов лет. <...> Сейчас, когда мне тридцать пять, я редко ощущаю, что мне тридцать пять, зато я время от времени неожиданно замечаю, что веду себя так, как будто мне было десять и осталось десять.

Ингер Кристенсен. Гармония

* * *

Всё было наполнено смыслом,
Словно летним дождём:
Розетки листьев манжетки,
Дом из ивовых прутьев.
Смысл открывался всюду,
Меж лепестков пиона,
Смысл заполнял зазоры
Меж рукавом и рукой.
Семы падали с неба,
Ноты клавишам-листьям,
Делали всё тяжёлым,
Тревожным и неудобным,
Словно удар пиона,
Когда одного вы роста,
Словно бы гирьки яблок
В холодных мокрых руках.

* * *

Соседка выполола молодую здоровую лебеду.
Я её принесла и посадила у нас на грядке.
Посмеялись, но разрешили. В саду,
Где живёт ребёнок, странности происходят
в штатном порядке.
Летом она разрослась огромным кустом,
Серебрила руки, по вечерам показывала небылицы.
«А в войну её ели». — «Кто? Зачем?» — «Узнаешь потом.
Всё равно узнаешь, куда тебе торопиться».

* * *

Ду-душа
В стебле, полой трубке.
Воздух-дух
Делается слышим.
Полушар
Из цветочков хрупких.
Выдох-слух.
Дылда, прочих выше.
В дудки дут.
Будних пчёл услада.
«Как зовут?» –
«Дягиль». – «Очень рада».

* * *

Страница, переползаемая жуком. Вот каждое лето.
Бумага загорится на солнце изумрудным и фиолетовым.
Жужжание за правым плечом, отпечатки цветов на коже.
Индейцы, Улисс и Бэкон, утверждающий, что похожи
Схоласты и пауки. День длинный до половины.
А страниц-то живых ещё – сколько в поле травинок!

* * *

...Но всё имеет форму и число,
И форма не случайна, но свободна:
Тычинки, угол отраженья света,
И стрекозы витражное крыло,
И беспощадный социум подводный,
И время появления планеты,
И телескопа круглое стекло...

* * *

Закипает небо,
Застаёт на лугу, убыстряешь шаг.

Собираются в тучи
Сонмы высоких капель.

Есть облака слоистые, кучевые и перистые.
Есть пенка от сливок, оттого что парное и от закипания.

Смотришь в небо с ожиданием: что сегодня на полдник нам?
Смотришь, жизнь, как молоко, течёт через марлю.

В горних лугах большеглазая бредёт тёти-Зинина Звёздочка.
В городе всё стерильно, в высоких пакетах каменных.

* * *

Вечер гаснет.
Небо глубже темнеет.
Веер газа –
Синеватый огонь.
Ветер, гавань
Издали виднее.
Вечность, галка,
Гнездо под крышей, ладонь.
Вера – Вега –
Небесное постоянство.
Сверху тяга,
Куда бы ни забрели,
Цвета снега,
Связующего пространство,
Света нега
Падает до земли.

* * *

Дневная темнота леса
Не опасна. Как пёс,
Не бросится понапрасну.
Он сильнее, но умный,
Положит лапы на плечи,
Облизнет лицо,
Попросит погладить.

* * *

Дерево-дева держит
Весточку вверх на ветках.
Горнее сердце гонит
Соки из почвы в почки —
Лишь бы лицами листьев
Сонно смотреть на солнце,
Только б цветов ушами
Музыку мышью слушать.

* * *

Камни поют – перекаты,
Кажется, льются ноты.
Ноги обув волною,
Бурной и мелкой пеной,
Ходишь по ним, похожий
На старика с клюкою –
Сгорбленный, но богатый
Переливаний звоном.

Калитка

Ты ничего не знаешь об этом мире.
Ты от него защищён
Лазоревой скорлупой,
Дощатым забором,
Полноцветной сиренью,
Крапивой-шипницей.

Мокрый беспёрый птенец.
Слизень-близень, ушко-улитка,
Выгляни за калитку!
Белый росток,
Расколи деревянный орешек!

Время пришло,
Яблоки налились,
Путники за оградой состарились.
Мир катится в пропасть,
колёса скрежещут,
искры летят.

Тропинка

Антону

Забирай с собой
Яблоки однобокие,
мяту,
пустырник
и зверобой.

И колечко из мха,
Что сплела,
Когда придумывала жениха,
Потому что была мала.

И когда
Ты пойдёшь не знаю куда,
Мир тебя раскачает и выпьет до дна,
Оставайся одна,
Завари в себе чаю.

Ты добудешь воды,
Если внутренний сад
Будет в срок приносить плоды
И цвести.

Какое-такое
Племя мирян на тебя бы ни набрело,
Сможешь каждому дать тепло,
и покой,
и птичье журчанье,
Не остаться выпитой до молчанья.

Древо

У этого дерева необъятный обхват ствола:
Улитка шла четырнадцать суток и всё же не обошла.

У этого храма четыреста шрамов в неровной коре:
Булавки, монеты, вросшие в кожу, будто жуки в янтаре.

Под этим вязом всегда начало июня и ветерок,
Он любит стоять у дорог, звать путников на порог.

Уставшего выслушать и пожалеть готов,
На это ему сорок тысяч раскрытых листов.

Хоть всякий рубит его в угоду лодке или костру,
А всё же дерево остаётся нетронутым поутру.

Почва

Я — это лёгкий лист, рассыпающаяся земля,
Гриб прорастающий, лбом бодающий мхи,
Птица, парящая над полями, убранные поля,
Мышь, в тревоге нырнувшая в норку, логово из трухи.
Каждый, кто говорит со мной, и слово его речей,
Каждый, кто строит дом, и дальний расчёт его.
Соль, растворённая в море, валун, повернувший ручей.
Как мне поймать себя, выделить из всего?
Как мне собрать себя по миру, отсеять чужой песок,
Вылепить себя цельною, вылепить и обжечь,
Так, чтобы сохранился шелестящий на ночь лесок,
Так, чтобы оставалась доступной чужая речь?

Грядка

Нарезаю пирог
Чёрной почвы лопатой острой
Для грядущих пиров
И для осени многокострой.

Между нежных червей
Мелочь жизни потусторонней
В красной почве живеи
Геометрии посторонней.

Но возделывать душу
Согласно ландшафтному плану
Летом кратким и душным
В теплице небесного парашюта

На земле, что плоска,
На земле, что кругла и велика,
Ради цвета цветка —
Вот он, вечный соблазн многоликий.

Клумба

Если знаешь правила, так просто их соблюдать,
Чёт и нечет на вдох и выдох, усилие и благодать,
По весне ты рассеешь силы, но осень должна отдать.

Принимаешь форму хорошо постриженного куста,
Горошка вокруг специально поставленного шеста,
В этом сложность на вдохе, на выдохе – простота.

Когда движешься по прямой, всегда приходишь домой,
Набираешь в лёгкие воздуха, но остаёшься немой,
Всё, что было за лето ново, уходит под снег зимой.

И так хочется новый побег пустить за контуры клумбы, но
Тут его прикопают, и ты случайно впишешься в план,
Потому что расчёт был сложнее и всё уже учтено,

Потому что гармония всюду, в корнях у неё темно,
Накрывает землю лазурнолиственный платан.

Ходун-травя

Не говорить: «Этого нет, потому что я никогда не встречала», —
Белоснежного зверя с единым рогом,
Пёстрой змейки, бегущей по склонённой осоке в сторону клада,
Ада и рая, такими, как их описали,
Любви, наступающей внезапно и открывающей две бездны:
Одну под ногами, другую — над головой.
Но говорить: «Если это случится, я сделаю всё как нужно.
Если я это увижу, то сразу узнаю».
А пока я буду жить так, как будто бы это правда.
На всякий случай.

Вертоград

А потом всё сбивается.
Когда наступает награда,
Всё сбывается:
Град янтарного винограда,
Меры верто...
И лопается корзина.
Носит ветром
Шар воздушный райской расцветки.
А в низине
Дорóг молодые ветки,
Металлических речек кудри,
Конопляных лодочек блошки...
Зубы скал...
Полей одеяла...
Страшно-страшно
Падать в небо ягодой талой,
Отрываться от цветоножки.

Колодец

Глубже корней,
Черней вечерних лип –
Прозрачный студень, транслирующий темноту.
Некому посмотреть изнутри.

Только земля чувствует,
Как вода собирается,
Стремится к холодному лифту
В верхний мир.

Пока хватит рук и вёдер,
Перекачивай внутреннее во внешнее.
Только так
Вода сохранит чистоту
И прозрачность.

Мостик

1

Зорко земля глядит
Вглубь неба
Сквозь голубые очки атмосферы.
Гладью озёр глядит.
Что видит?
Перья воды, облаковые сферы.

Пытается разглядеть выше:
Кусочек луны,
Когда совсем гладко — звезда.
Надеется заглянуть выше
Видимого.
Куда летим? Тянет звезда.

2

Озеро и облака
Постепенно
Наполняются закатом,

Как два лица
Постепенно
Улыбаются друг другу.

Это так похоже на взаимопонимание.

Абрикосовый след самолёта
Отражается в озере

Пером жар-птицы,
Оброненным в синеву.

Но след от лодки
Небу безразличен.

Карта

Тропы одних – кудрявые, как реки,
их длину можно измерить только курвиметром.
Другие похожи на танец шариковой ручки, когда её нужно расписать.
Путь третьих проходит в иных плоскостях,
на карте проецируется в виде точки.
Сверху это похоже на кружево.
Мойры натяли, нарезали,
а Кто-то нити узором выложил,
приколол булавками, настучал коклюшками.
А то иногда двое завяжутся узелком,
никак не хотят расставаться и идти куда следует,
хоть отрезай обоих.

Веранда

Сахарница

С высокой башенкой,

Со сколом на крыше

(Помнишь то лето

И пирог с черникой —

Чёрное море?)

Включает в себя абсолютно всё присущее замку.

И всё же

Стоит пожить хотя бы чуть-чуть —

Подняться по мраморной лестнице

В шуме настоящих волн и иноземной речи —

Хотя бы чуть-чуть

Пожить в мире,

Где ты не больше всего.

Сувенир

На остров Форё через остров Готланд

Подплывает паром.
Приветствую тебя,
Высокий берег!
Островная земля
Богата на пески,
Трилобиты.
Гроздь акации с ладонь,
Цветок сирени —
С монету.
В церковной стене —
Рунические камни
И плиты.

А на том краю земли — старые дома с рогами,
Рогами-ёлками, рогами-защитниками
На соломенных чёлках.
Духи-духи нас нашли — наследили сапогами
На мокром берегу, берегу пустынном,
Раскидали иголки.

Пока паром перевозит всех на соседний остров,
Выходишь из машины,
Выходишь и смотришь
На берег, становящийся подробнее,
На эту воду.
Пока ты хранишь в себе всё прошедшее, помнишь
Ещё на старом телевизоре,
Ещё на старой квартире,

Красивое лицо Лив Ульман

И эту воду.

Как ты смотрелась в него своей детской мордочкой,
Не зная ни одного из имён, которые знаешь сейчас.

Это сейчас.

Я переплываю пролив.

Это сейчас.

Я смотрю на приближающуюся землю. На её сосны.

Это сейчас.

Я думаю: моего-то милого любить — страданье,

А *того* — должно быть, чистая пытка.

Сосны ходят по земле великаньими ногами,

Сосны прячутся в золе, съеденные очагом,

Сосны гнутся на ветру, заплетаются узлами,

Сосны стонут поутру, держат двери в дом.

Перекрёсток

Собеседник сказал:

– Что у тебя там?

Я готов перебраться в твой город.

Открывай воротá.

– Не город, – говорю, – сад.

– Сад-огород? Ну так бы и говорила, что пустота.

А ворота размалевала, как будто есть что охранять!

Отвернулся и даже смотреть не стал.

А они простояли открыты всю зиму.

Ничего не осталось:

Воры вынесли инвентарь,

Мыши съели крупу и мыло.

Воры вынесли силы,

Мыши съели все имена,

Ветер выдул цвета.

Повилика

Я ли не рассыпáлась мелким цветочным лугом,
Перебегала полёвкой от леса к лесу,
Находила зёрнышки в дальних странах,
Обнимала корни мхом серебристым.
Почему он меня оставил?

Там, где он врал в свою правду,
Своего цвета небо по осени низводя на землю,
Там остались мои безделушки:
Сомненья, сердце
И запасы орехов на общую нашу зиму.

Не в состоянии выпрямиться и подняться,
Понимаю, что стала не деревом, а паразитом,
Девичьим виноградом,
Плющом, пугающим все деревья:
Они пугаются и уходят в другую землю.

Что же мне делать, когда он меня оставил?
Как не виться вокруг хотя бы воспоминаний?
Научиться смысл извлекать из воздуха и из грунта,
А не из существованья другого со мною рядом.

Письмо

Девочка шьёт бальные платья серой фланели,
Крутится колесо, стучит иголка.
Пули летят через город, идут недели.
Город обложен со всех сторон, да всё без толку.

Каждое утро от мутного небосвода
Ждёт она ясности, ждёт победного марша.
Ей невдомёк, что город ушёл под воду
За неизвестные ей прегрешения старших.

И на окраинах воздух водой пронизан,
Мимо строений ползут донные твари,
Люди включают на полную телевизор,
Чтобы не слышать стрельбы и не видеть зарев.

В центре, пока игла не выйдет из строя,
Мерно стучит машинка, но пульс её всё капризней.
Девочка шьёт бальные платья сложного края
И убирает в шкаф — до наступления жизни.

Индюк и павлин

...Индюку, который приготовился вести бой в соответствии с законами его племени, такая поспешность кажется неоправданным нарушением всех правил. Он ещё полон сил, однако сразу же признаёт себя побеждённым и ложится на землю, тем самым намереваясь положить конец всему происходящему. И тут случается ужасное: павлин «не понимает» этого языка жестов.

Конрад Лоренц

С одной стороны
Павлин –
Нафталин.
Дворцовый житель,
Садовый служитель.
Перьев своих роскошеству
На воронье не променяет,
Всецветно его кокошество,
От времени не линяет.

С другой –
Индюк,
Индейцами приручён,
Нелеполичен,
Нелётнокрыл,
Силой
Силён,
Смелостью
Смел.

Павлин –
Дворецкий
Светский
Империи –
Перья
Поправляет.

Индюк –
Большой
Боец
С фермы –
Сферу
Надувает.

Первый раунд.
Прицеливаются.
Ноль ноль.

Индюк
Ритуально отступает,
Рисуется,
Для боя танца,
Для боя танец.
Правила есть
Правила.

Павлин:
«Повезло-то как!
Вот идиот», –
И наступает зло так:
Вот тебе, вот.

Индюк:
«А это уже нечестно.
А это уже серьезно:

Сдаюсь,
Сдаю раунд.
Уступка на
Уступку».
Вытянул шею, лёг на землю.
«Видишь: я беззащитен».

Павлин:
«Как махров пион распустился,
А такой слабак и простак.
Ну так это, сам напросился,
Хочешь ещё? Вот так тебе, так».

Индюк:
«Невозможно.
Невероятно.
Лежачих
Не бьют.
Я же показываю:
Абсолютно разоружён.
Непонятно?
Абсолют...»

Павлин
Остался победой гордым
Над чудом вычурномордым.

Индюк:
Свет уходит из глаз, подкатывает пустота.
Свет вытекает из проклёванного виска.
Что я сделал не так?
Что я не так объяснил?
Темечко.
Темнота.

Заколючивая окна

Метафора смерти – первое сентября.
Золотые шары в июле – ранняя желтизна.
Я должна быть счастливой. Счастливой, благодаря
За дары твои, Господи, даже если вещь не нужна.

Световые чешуйки разбросаны по реке.
Разрезает воздух слюдянокрылая стрекоза.
Боль плетётся за мной в дырявом чёрном платке.
Боль моя, дорогая, как ты смотришь в мои глаза,

Тонкой ящеркой шебуршишь по тёплой стене,
Меховым кулачком шмеля бьёшься в меня,
Лишь позвать посильней – и ты вернёшься ко мне
И обнимешь, как только ты умеешь обнять.

Но мой долг ветвится деревом в синеве,
Мне пора возделывать счастья фамильный сад.
Вот мои инструменты в густой высокой траве,
Вот вьюнок оплетает лейку, медлителен и усат.

Что успею ещё? Не май, жизнь коротка.
Наливаются яблоки, розовеют в корнях волнушки.
В сентябре будем жить, но другими. Можно не верить пока.
Но автобус с синими шторками уже едет по наши души.

Птичий парк

Чайка

Как мы планировали нашу жизнь, когда сидели на парте,
свесив ноги в звёзды,
как мы закидывали сеть в мечты: морская звезда карьеры,
нельма своего дела, белуга свободы, корюшка путешествий.
В любви – три жемчужины: самопожертвование,
пламя и безграничная нежность.
А малька простого тёплого счастья мы отпустили назад:
пусть подрастёт.
Он подрос,
он вырос в касатку
и уплыл далеко от берега.
Всё сбылось, как говорится. Всё, что было заказано.

Неясыть

«Да, а ещё ведь сны, всё время снятся все эти сны.
И говоришь с собой. Не с собою, конечно, с ним.
Ходишь по кругу запертым в клетку зверем лесным,
разбираешься, как попала сюда, хоть проснись, хоть усни.
Жизни нужно открыться, а ты до времени до поры
только и слышишь себя да голос его внутри...»

Спрашиваю: «А вообще реально этот вопрос закрыть?»

«Ну я вот договорилась с собой. Сумела договорить».

Зарянка

«Сделай усилие. Над собой надо работать.

Посмотри на меня: я начала со смерти.

С двух.

И когда всё стало налаживаться — третья.

А ты становишься в ступор из-за парня,
который тебя не любит [любит, но недостаточно].

Ты ещё ничего не умеешь!

В жизни девяносто пять процентов поводов для горя,
а пять — для радости.

Надо уметь пользоваться этими пятью процентами.

Вот сейчас — я так рада видеть тебя

[прекрати быть такой несчастной]!»

Магистр счастья сдаёт философию, язык и специальность,
чтобы перейти на новый уровень.

Горихвостка

Обсуждали коллегу:

«Её нет с нами,

она ушла гладить простыни своему бойфренду».

«Ужасно». — «Как она может!»

И вдруг — ты знаешь, я никогда, но — вдруг позавидовала.

Жить семейной жизнью много дней, так,

чтобы простыни успевали подвергнуться стирке и глажке.

Просыпаться рядом, а думать о том, что приготовить на завтрак.

Разговоры не о вселенной, не друг о друге,

а о чём-нибудь несущественном.

И запах нагретого хлопка.

«Ты? Гладить простыни? Перестань, ты на третий же день задушишь кого-нибудь этими простынями.
Не выдумывай.
Ты не по-ни-ма-ешь, о чём го-во-ришь».

Синица

«Во что я верю, так это в качели.
За всё хорошее будет всё плохое.
За много хорошего будет много плохого.
За мало хорошего будет мало плохого.
Держись за железные прутья
сквозь рукавицы домашней вязки.
Боисься высоко раскататься».

Ласточка

«Если он был тебе дан, значит, тебе это было нужно.
Скажем ему спасибо за то, что ты светишься.
Но даже не думай, что ты могла бы изменить себя и его,
чтобы жить с ним долго и счастливо».

«Скажем спасибо...»

...когда время закручивается в воронку, а по ту сторону –
тёплое море и нежный белый песок...

«Даже не думай...»

...не просчитывай, что было бы, если бы было,
не составляй программы минимум, торг неуместен...

«Скажем спасибо».

Но...

«Даже не думай».

Снегопад

Говоришь, говоришь, а потом
Всё накрывается белым листом.
Слова перепревают, словно трава,
Слипаются и лежат пластом
В горле, и мысль замерзает, едва жива.

Когда солнце уходит к другой стороне земли,
Безразлично ему, что вы строили и о чём цвели,
Линий длинных вдали теряется синева,
И никто не слушает, как деревья под наледью полегли
И как где-то под настом лопнула тетива.

Оттепель

Это было невероятное неоправданное тепло,
Почки пухли и распускались навстречу тому теплу.
Сердце говорило, солнце не может лгать.
Разум говорил: опомнись, это февраль,
А февраль двуличен, ничего доброго не родит...

Но как счастливы были мы, как ждали лета после весны,
Сёстры-ивы, бродяга-клён, мечтательница-сирень,
Напрягая детские листья, выстраивая цветы,
Стебли вытянув выше уходящему солнцу вслед!
А оно просто есть, оно не хотело нас обмануть.

Оттого в середине лета сад стоит недвижим.
Обожжённые снегом ветки, из которых ушла душа,
Недоверчивые негибкие контуры тех надежд.
И костёр по ним плачет, да садовнику жаль рубить,
Потому что слишком голо нынче будет в мире живых.

Беседки и лестницы

1910-е

*моей прабабушке Елизавете Добровольной (Жук),
служившей горничной в Петербурге*

Ребёнок приходит в детскую, подхваченный колыбелью,
Под тёплым парусом огибающей острова,
Рифы книжного шкафа, где поёт Лорелея (учи слова).
На вселенский завтрак разбудит колокол корабельный,
Все, от сфинкса до скифа, придут на мамины кружева
И отведают звёздный пирог нежности беспредельной.
Все мы общего детства, сквозь время растущего,
разнокалиберная листва.

Но другие рождаются сразу взрослыми в мир как он есть,
Кроме материного горя, им нечего есть, и лезть
Мира, за стеклом мерцающего, вызывает месть.
И разделаться сладко со слабым своим врагом,
Как поганки кудрявой мерзость пнуть сапогом
И ошметки её вуалей растереть. А колыбель забрать в новый дом.

Детская приходит в ребёнка, охваченного волной
Ужаса, когда он мучим и наг, взросл и одинок,
Сомневаясь в своей природе, к ночи четвероног,
Укрепляет стенки души, втопанной в перегной,
Чтобы стала душа в мягком теле косточкой костяной,
Из которой поднимется дуб колыбельный вечной весной.

1930-е

моей бабушке Тамаре Жук (Теремовой)

Жук-листоед
Листы листает,
Глотатель страниц,
А сам иностранец.
Дочка садовника всё время болеет, всё время читает.

Отец-чародей
Учит соседей
Растить помидоры,
Привозит дары:
Младшей дочери – мишку, старшей – уборы,
Средней – книжку, новенький переплёт.
Ветер листья треплет.

Средняя
Среди дня
Засыпает,
Солнце поёт,
Ночью глотает за томом том.
Потом
В школе Лёшка нарисует жука,
Покажет бумажку,
Получит книжкой по голове,
Поймает на слове...

Ещё до выпускного,
Войны,
Свадьбы,
Судьбы,

Книжного шкафа,
Детей,
Внуков,
Правнуков.

1950-е

Мане (Марии Николаевой), няне моей мамы

Лет с семи работала: поле, дрова –
И младшие все на ней.
*Мир раскалывается на острова,
Между ними – море теней
Умиравших, забранных в лагеря,
Выработанных на заводах...*
Ходила в школу три февраля да три января.
...Мир требует перевода...
С пятнадцати лес валила, зима,
Всё себе застудила.
*...Тени близких любящих пап и мам –
Не было, хоть и были.*

Или вот: цветы в гранёной воде,
Журнал в переплёте
И малыш. А мама-начальник где?
Горит на работе:
В синем кителе, переправляет лес,
Пока вода не упала.
*...Тени разбиваются о волнорез.
Детства как не бывало.*

И на этом смысле, собранном по сердцам
Продналогом, комбайном,
Вырастает страна чужого отца,
Непонятная, дальняя.
В зале тикают ходики, как на века —
Пустота и порядок,
Только где-то припрятано три колоска,
Стопка тонких тетрадок.
Одиноко взрослея, дочь взглянет в трюмо,
Жизнь с учебником сверит.
*...Остров сух и песчан, только время само
Подбирается к двери.*

1960-е (Дачи)

моей маме Елене Теремовой (Югай)

Молочные реки, кисельные берега.
Комендант дядя Петя с Альмой, чтобы оберегать.
Не ходите за территорию, там жижа, бездна и гать.

Мальчишки-девочки на закате бегут в фут... «гол!».
Соловьи расщёлкивают голоса, таволги гул.
А потом в туманную реку. А месяц гол.

Нужно собрать по домам тонкий фарфор, кружево-нафталин,
За кофе и польским печеньем к тёте Шуре. Кто-то один
В полночь пролезет за территорию и принесёт люпин.

А потом — смотреть на робкую Вегу в белой ночи,
Разговоров недоговорённых и книг недочи...
Завтра приедут родители, но сегодня у нас ключи.

Приедут и будут играть в бильярд, а после — в слова,
Им под страхом изгнания нельзя ни пахать, ни сеять, ни забывать,
Кто их создал, и с древа познания плоды срывать.

Ели, леса,
За ними заборы,
Дальше дачи
И магазин.
В нём колбаса
Телячья,
Конфет наборы,
Корзины
Яблок-апельсинов
И прочие чудеса,
Пиво в банках,
Детское питание...
Муж сестры,
Кинемеханик,
Показывал им кино.
Они ходят в светлых костюмах,
Смотрят это кино,
Пьют винцо,
И продавщица всех знает в лицо.

1980-е

моей кузине Ире

Все идут по домам, а у тебя дополнительные задания.
День — молоко с кислинкой — сворачивается в вечер.
До темноты ты не покинешь здание:
Гаммы и повторенья, вращение в стул и вгрызание в вечность.

Где-то имеем в виду родник журчащего пения,
Небо полёта и абсолютного знания.
Лестница вверх бесконечна, и ты на второй ступени.
Здесь камни, камни и молоток твоего внимания.

1990-е

моим одноклассникам

«Пятый этаж, двадцать седьмая палата.
До четырёх мама спит, подожди у входа».
У медсестры голос – Orbit «Двойная мята»;
Волосы – мёд, стоявший на случай четыре года.
Тогда я подумала: теперь я осталась взрослой –
Тот, кто лежит в палате, он всё равно ребёнок.
А в третьем классе казалось, все меня бросили
В чужой кровати, среди больничных пелёнок.
Медсестра ругалась, а потом возвратила Барби.
Подала как ножницы – к себе тонкими ножками.
Мне никто не нужен, я – злой пират с бакенбардами.
Повязка на глаз реальная, кукла – кинжал понарошку...

...Во что сейчас дети играют, ужас один!
Им никто не указ.
Да была бы Барби женщиной, она б не смогла родить,
Такой узкий таз.
А жвачки – химия, они вызывают рак.
А слова – разве это речь?
Насмотрелись кино, всех этих ненаших драк,
Как же их уберечь...

...Приехали в Заборье – в пальто, на машине.
Мужик их увидел – и кулаком: «У! Менеджеры... чёртовы».
Отец обрадовался: «Ну всё, перестройка победила,
Если в Заборье знают слово “менеджер”,
Мир изменился бесповоротно...»

...А там, среди всего этого барахла,
Лежит – представь – настоящий кусочек смысла.
По ошибке – продавщица не разобрала,
Что действительно товар широкого потребления.
А он лежит себе, начищенный добела,
Переливается всеми цветами мысли,
Подходит ко всем домашним приспособлениям...

2010-е

моим студентам

Девушка раскрывает сумку: ручка, тетрадки, зеркало, конституция.
Спрашиваю: «Вы сдавали зачёт по праву?»
Отвечает: «Нет, она меня охраняет.
Если меня захотят задержать, я посмотрю статью 51,
Я скажу им: я имею право с вами не разговаривать.
Конституция – это что-то скорее оппозиционное».
«Так её всегда с собой и носишь?» – «Так ведь она лёгкая».
...Девушка против тьмы омонцов,
Аки против бисов с нательным крестиком,
Против водоворота – держась за лучик-соломинку,
Всё время готовая
Сказать им, тем, которые...

И в тёмном лесу, и в буйном море, и на московских улицах
Нет ничего надёжней и крепче, чем лёгкое,
Если носить его постоянно,
С верой
В добро
И справедливость.

Весна

Пробивает землю белым плечом,
Наливается зелёной кровью
Росток-лепесток,
Семечко на листьях не отсохло.
А вокруг – пырей – сеть корней,
Сурепка – золотые кресты,
Сухостой прошлых надежд.

Ручьи

Девушка ивушке
Ломает ветку,
Делает флейту.
Флейта играет от ветра.

Флейта:
Была у меня любимая,
Думал я, что была,
И я её ждал всю зиму, а
Она меня не ждала...

Девушка:
Если бы каждый сидел по домам-теремам,
Мы бы никогда не встретились.

Флейта:
В сердце девушка
Вырастила деревце:
Кости мои —
Белы корни,
Кудри мои —
Русы кущи,
Глазы мои —
Ясны ласточки,
Крова моя —
Ржава осень.
Обещал не бросить не оставить —
И остался
На года на веки.
Веки —
Темень облаков закатных.

Нагромождение камней, именуемое в садах Романтизма Хаосом

Хаос в верхнем парке,
там его место.
Экстрасистолы в левом предсердии, дополнительная хорда.
Граф поднимается по тропе
в парке ухоженном, изотропном и гармоничном,
временном и трёхмерном.

Тропа состоит из:

- ропот плит треснувших, трость;
- сотрясение, паденье в пропасть.

Мхи состоят из:

- мычание динозавров;
- хихиканье застывающей магмы.

Грот состоит из:

- горе;
- радость;
- отдохновение;
- смерть (Θάνατος).

Возвращаясь на место хаоса, человек оказывается
лицом к лицу с прошлым.

С трудом
восстановив дыхание,
спрашиваю:

- Что же всё-таки это было?
- Тр хор бр ффф ахр грех пп гора,
Лиэлэй, лиэлая, всегда лиэлэй.

Статуя

...такое все, что в мире красно,
тлится напрасно.

Симеон Полоцкий

То, что век не подвержено тленью
К вящему сердца успокоенью,
Света и тепла не созидает,
Жизнь не рождает.

Будто платье, смолоду берегомо,
В шкафу имуществом лучшим зовомо,
К будущему с тщанием наутюжено,
Внукам не нужно.

Ещё, подобно башне смотрящей,
Вдали от новостей в лесу стоящей,
Острых ран воителям не врачует,
Века не чувствует.

Можно уподобить также и белке,
Прячущей орехи, ягоды мелкие,
Что свои сокровищницы скрывает.
К зиме — забывает.

Или перепелу, что жиреет среди веток
К радости охотника, кто будет меток.
Так всё, что для вечности лишь творится,
Не пригодится.

Лабиринт (Тесей)

в начале было

п

песчинка

пёс

нарос

вокруг первой арки город жизней горьких сеть
вокруг песчинки многослойный панцирь слюны жемчужницы
вокруг чудовища лабиринт

следы

убегавших но не убежавших сложились в орнамент
убегавших но вдруг остановившихся зачарованно
убегавших но не избегнувших железных когтей чудовищ

а ты их помнишь ещё

щенками пахнувшими орехами и молоком
щенками что ставят лапы тебе на колени и крутят ушами доверчиво
щенками чей мех словно пух

с тех пор

они порядком заматерели
они больше тебе не подвластны
они плодят лабиринт который закроет всю землю

только чужестранец

убьёт их как только увидит
убьёт потому что не знает причины поступить иначе
убьёт их и ты выведешь его из лабиринта

чтобы он ушёл и не возвращался
чтобы ты ушла и не возвращалась
чтобы не возвращались твои псы психеи
танец окончен

прямая
уходит
за горизонт

Часики

1

Каждое семечко в сердцевине своей
Знает, каким бы оно проросло в Раю,
Там, где достаточно в почве воды, солей
И бесконечно солнце на листья льют.
Но в равномерном круге своих ветвей
Можно ль медовому плоду создать уют
Там, где ни пчёл, ни птиц, ни в почве червей,
А те, кто есть, не знает кличку свою?

2

Тянется выше макушкой живой
Грушица.
Слышит преграду над головой.
Рушится
Высокоросности план корневой.

Столько годов — и всё ради потерь
Строиться?
Ты просчиталась, глухая тетеря,
Троечница,
Не передвинешь корень теперь.

Вдруг делает рывок
Вбок
И растёт кубической параболой.
Точка осознания —
Начало координат.

Шаблоны следует отложить
Влёт,
Когда почувешь, откуда свет
Льёт.

3

Дерево вырастает, как город,
Древен и горд,
Крона пьёт свет, корни – воду,
Пересечение воздушных путей, невидимых паутин,
Встречи с дорогими другими:
Червя и червонной ягоды,
Мухи и мухоловки,
Палочки и палочника.
Мы друг другу антонимы и омофоны.

Изучай языки:
Слова соловья,
Бычанье пчелы,
Расцветки цветов.
Стремись в мегаполис рощи,
Где в богатых зелёных воланах
На разных волнах
Гул сражений и сооружений,
Сближений, соблазнов,
Ворожбы и вражды,
Праздник, с которого не уходят порожним.

Вот твой невозможный возлюбленный взлетает с опасной ветки,
Вот твой посторонний поёт на языке иностранном.

Есть счастливы и счастливы...

Марина Цветаева

Есть леса и перелески,
Что в работе безымянной
Ткут из солнечного блеска
Одеяла для семян,

Что из ливня варят соки.
Но есть избраны иные,
Спрятаны в саду высоком,
От тревог сохранены.

Это не птица, не мотылёк
На сладость твою стремится.
Горе, горе тебе, ты привлёк
Человека тяжку десницу.

Будет цветок облачён в слова,
Взращён махров и наряжен,
Словно возлюбленные божества,
Ио иль Ариадна,

Те, что живут с девичества вдовы,
Бесплодны в небе лежат,
Ибо жизни растений садовых
Себе не принадлежат.

Но если Он решит, что это будешь ты,
Что не напрасны страстные мечты
О детстве, переданном по наследству,
Тогда против всего найдётся средство,
Чертог воздвигнется из пустоты.

Мы не про то, чтоб жить и выживать,
В любом бою мы проиграем сходу,
Но если Он решит, найдёт лучи и воду,
Чтоб обмануть угрюмую природу
И непогоду перезимовать.

Костянке или семечке живой
Есть в парнике отдельная квартира,
Табличка с именем над головой,
Чтоб прорасти ещё оторванной от мира,
Ещё неистойей в расцветке дождевой.

Предел

Всё, к чему он прикасается, становится любовью,
Берёт кусок хлеба, и тот превращается в любовь,
Берёт пригоршню орехов, и они оборачиваются любовью,
Поэтому он давно ничего не ел.

Но если ты хочешь забрать его сердце – у него нет сердца,
Но если ты хочешь остаться в его сердце – у него нет сердца,
Потому что сердце – это граница, а любовь не знает границ.

Маме кожа становится велика, идёт складками,
Маме сердце становится велико, выпрыгивает из груди,
Лодочка-колыбель, приходи ко мне, приходи.
Мама уменьшается в мире, растущем, как будто сын,
Выторговывает себе секунды или часы,
И он всегда обнимает её, как воздух, ласков или горяч,
Но не приходит, потому что встреча – это граница,
А любовь не знает границ.

Листок

– Я не готов.
– Ты никогда не будешь готов.
– Буду, но в срок,
Не раньше, не позже, а ровно в срок.
Ветка листок
Держит за тоненький черешок.
Семя лет сто
Ждёт и вдруг пускает росток.

Страшно взрослеть,
Страшно рождаться и умирать.
Как я расту?
Страшно расти сквозь темноту,
Выпустить цвет
И прогадать и проиграть.
Страшно листу:
– Не отпускай меня в пустоту.

Я не готов.
– Ты никогда не будешь готов.
Времени рок
Окна забьёт, зажжёт костерок,
Летний улов
Грубо повыметет из углов.
Лучше бы в срок
Силы собрать и сделать прыжок.

Как растёт трава

Ты слышишь?

ты-ты-ты

с-с-с

-лы-

ш-ш-ш!

Я слышу: скрип взгляда по стеклу, за которым...
снежинку, переплавляющую себя в каплю,
крик о помощи (не задерживай, передай его дальше!),
гул электрички — галоп колёс — луг спешащих чешуекрылых,
двукрылых, жесткокрылых,
несинхронное тиканье часов,
лязг замка, фоновый ужас за дверью.

От этого человека я слышу праздничный гул его внутренних улиц,
от этого человека я слышу несказанные слова, сидящие на деревьях,
от этого человека я не слышу ничего, он тих, не имеет вкуса и запаха,
хотя шевелит губами и машет руками.

Слышу несколькими этажами ниже, как мой прадед
выходит на ж/д стацию,
качаются срезанные гладиолусы, качается садовый нож в кармане,
прибывают вагоны спешащих чешуекрылых,
двукрылых, жесткокрылых —
нужно украсить перрон цветами в честь трёхсотлетия
царской династии.

Слышу с верхнего этажа: мама,
ты слышишь, как растёт этот мир?

__та-та-та-та__ ssss __ __*лы-кур-лы* __ши-ши-ши

Полая память

Путеводитель по церквям,
опустошённым или разрушенным,
но наполненным смыслами больше,
чем многие иные

Церковь Марии Помощницы (Брюссель),
в которой есть специальная доска для записок,
оставляемых туристами

Basilique Notre-Dame de Bon-Secours открыта для посещения.

В сердце Notre-Dame,
в гигантской моршке, в раковине пелециподы,
гуляет ветер
и редкие дневные туристы.

In – out.

Вход – выход.

Систола – диастола.

Мама подхватывают детей на руки: заглянуть в исповедальню,
показать особенно закрученный протуберанец декора.

Здесь можно фотографировать.

Можно пользоваться телефоном.

Сердце Notre-Dame отдаёт себя людям.

Круглые стены собора – собрание пожеланий.

JE PRIE MON SEGMOR ET JE
DEMANDER LES JANTİ
ROUR MA FAMILLE ET ROUR
LE TOUTS LES PEOPLE. KOVAC

Good heath for all

Трошу здоровья и гармонии
всем моим близким!

Ukraine. Oksana

Спасибо тебе! Ты самая
лучшая! Я так люблю тебя!
Спасибо за все твои доброты и заботу.
Мне не хватает твоей улыбки,
твоих объятий. Помоги мне
в этот раз и дай мне возможность
снова увидеть тебя.

05.01.18 Екатерина

Из колонок в колоннах звучит запись певчих. Когда гостям
позволено делать всё что угодно, хозяевам лучше
не присутствовать. Сдать ключи и уехать.

Когда я влюбляюсь, гостю позволено делать всё что угодно.
Только бы ему было о чём просить. Только бы он приносил
мне свою скрытую от других недостатку на листочке
с пацификом и сердечком.

♥ World. Pease ☺. I. K.

Washington D.C. 3/8/18

Je te demander aide moi pour trouver
une appartement et une travail pour
avoir bonne vivre

Выйти замуж в 2018 году.
Марина

Brussels in the BEST place on earth!
Pedro M.
Rio de Janeiro - Brasil

Хоровод, где каждого держат за обе руки те, кто написал раньше: peace, travail и мужа.

Straight to strive for happiness within myself
and success in doing so

Fuck

Раковина пелециподы без живого моллюска, песок,
занесённый на сандалиях туристов,
морозка, вываренная июлем, приправленная
нестерпимой сладостью льезской вафли.

Любовь Notre-Dame не имеет границ, на то она и Our Lady.

Человеку положено закрываться,
звать внутренних певчих,
служить себе самому.

Рыбинское водохранилище,
для образования которого были затоплены
деревни и монастыри; в Череповецком районе
недалеко от мест затопления была расположена
усадьба матери К. Н. Батюшкова

Когда исчезает усадьба, остаются деревья. Когда исчезают
деревья, остаётся ландшафт.

С дороги открывается вид на море.
Таврический шёлк утра, блеск после полудня,
вечерний свинец —

в нашем нечерноморье,
в бедном слепом сухотравье, где
по холмам перекачивается ветер.

При Батюшкове такого не было! Если только как виденье
будущего сумасшествия:
«Мне отчётливо видится море за теми холмами...»

Любители поэзии приезжают на автобусе, машинах
и мотоблоках через бетонный мост, который местные
жители называют Крымским — «потому что долго
ждали, пока его наконец построят», читают стихи
«о Великой России и наших славных победах».

А ты чувствуешь волны, но пытаешься их сдержать,
построить плотину вокруг своего хрупкого разума,
усадить его в лодку с просмолённым бортом,
на борт посадить белого голубя.

Местные жители говорят: «Когда объявили о затоплении,
монашины приковывали себя цепями,
чтобы уйти под воду вместе с монастырём».

Местные жители говорят: «Хорошо, что не отдали
Крым американцам».

Местные жители говорят: «Злонамеренна цель
сих тайных обществ».

«Вот пришли коммунисты и всё развалили».

«Вот пришли демократы и всё развалили».

Говорят — и наполняются гневом.

«Всё потопить».

Купальницы-балаболки, круглые, словно девичьи юбки,
зелёный мундир молодого жука.

Из проезжающей машины обильно матерятся.

Грозят разбитой бутылкой.

И оно подступает, белое море,
с растворёнными в нём церквями,
подхватывает и уносит в вечность.

...Белая лошадь

на белом листе

пьёт молоко,

сворачивается снежным комом,

разлетается одуванчиком.

Всё хорошо, мой сладчайший,

море севера глубоко,

мы ещё далеко от дома,

ты можешь не просыпаться.

Успенский собор в Ростове Великом,
в котором резной иконостас стоял без икон
до середины 2000-х, но потом был восстановлен

Пузыри винограда,
сто сот,
там,

под сводом срастаясь,
обнимают пробелы снятых икон.

Возле каждого столбика-ветки –
дух прозрачнокрылый.

Место в раме не бывает пусто.
Отколупывают позолоту,
обживают сквот

призрачные силы.
Видно, прихожане,
деды-бабки,
не успевшие до разрушен
ия...

по привычке выделили душу, а куда её?
Не отпевают и не причитают.

Думали да подались сюды,
Шить серебром-золотом, месяцем-солнцем,

а здесь склады
и резные рамы
иконостаса,
сочные виноградины, деревянные кости.

Полвека переждали, и
Министры открутили всё назад,

как будто и не было.
Скоро сюда вернутся иконы,
придётся
двигаться дальше.

Аннакирхен (Санкт-Петербург),
в которой в советское время был кинотеатр,
в 1990-е — рок-клуб, в 2000-е — сначала пожар,
а потом возвращение лютеранской церкви

художнику А. К. Г.

В лютеранском костёле после пожара
всё бело-чёрно,
словно кадры фильмов, показанных здесь когда-то.
Бумага, тушь.
Мел — сажа.
Ле-са.
Деревянные стулья, выкрашенные в тон обгоревших стен.
Имитация кинохроники.

Время пожара и дискотеки, голубого в рыжий огня,
остаётся на негативе
(выбеленный лён / потёртая кожанка),
как память о никогда не виденном прошлом.
Мой провожатый улыбается:
«А вы, значит, пошли в первый класс,
когда мы для вас
на баррикадах строили
новый
мир».

ливень
лето
лелуш
liberte
жар

сражаться
безвременье
суша

В пустоте...
Обновлён и разрушен...
Создан новым...
Оставлен на месте...

Чёрным по белому выведено на двери **Ниоткуда с любовью.**
Белым по чёрному выцарапано на колонне **счастье есть.**

Церковь Анны Кашинской,
в которой находились мастерские Ленинградского
изокомбината до её возвращения РПЦ в 1990-х

...И вместо алтаря пламенная печь.

В первом отсеке Художник Просекин Собирает мозаики полотно, Скребёт по сусекам	За перегородкой Миша с бородкой Ваяет объекты С ненашею ноткой.	В углу, будь здоров, Член ЛОСХ Петров. Раньше он пёк Лукичей, Теперь перекинулся на Петров.
--	---	---

А в колокольне
сумасшедший скульптор,
ровесник революции,
столько лет дело жизни не может закончить.
Стёкол утренних молоко,
ночных бдений дым.
То ли ангел там, то ли демон,
человек или зверь —
В рост колокольни...
«Сумасшедший, как он её оттуда достанет?»
А она разрастается,
только ноги видны в приоктрывую дверь...

А потом он умер.
Конечно, сломали скоро,
всё это,
вынесли на помойку.
Поставили
золотой
крес
Т

Церковь Тихвинской Божией Матери,
построенная архитектором В. Н. Бобровым в 1906 году,
а в 1929 году им же перестроенная под универмаг

а потом пришли добры молодцы и срубили голову гидре прошлого говорят *перестроим это под Гаванский дом промкооперации* давай-ка **сам** перестрой это под универсам без вот этого **ПОПАДУ Я В АД** это прихожанам важна **ВЫВЕСКА** а нам чтобы дом не развалился по окнам что Тихвинская нам что Октябрьская мы же даём работать вот и трудись идея к идее кирпичик к кирпичику программа программ **УНИВЕРМАГ «СВЕРДЛОВСКИЙ» ГОРПРОМТОРГА Гаванский универмаг ПРАВДА** ложь но в ней между строк такое и профиль Троцкого и настройки межпланетной станции и стройки на той стороне Луны и эволюционные тройки только ватный клоун с лицом ангела купленный под *Новый год! пионерке Маше* знает никто не придёт назад

Церковь Спаса Преображения на Песках,
в которой располагались мастерские
«Союзмультфильма» до передачи храма РПЦ
в начале 1990-х

А. П. Тимофеевскому

С красной строки до белого кирпича,
из красных тридцатых в белые девяностые,
без выходного и паралича,
светлой поступью,
грамм бы по сто –
и на пост:
на крыше дежурного скрипача.

Оператор настраивает окуляр,
режиссёр выстраивает кадр.
Создали станок
неизвестно как
влюблёнными
руками,
первый и единственный,
словно храм из дерева на песках.

Преображение.
Первый кадр чистого света.
Начинаем плыть с белого листа.
Позвали поэта
обмыть. Гляди в окуляр, видишь, что там?
«Ни-че-го.
Ах нет! Белая лошадь. Лошадь в тумане...» Отражение
так глубоко, как спасение или мечта,
как служение времени своего.

Камера
движется сквозь память
в детство предвоенное,
где предметы вес и цвет теряют —
обретают смысл и имена.
Калька
времени незаметна в настоящем,
но чем дальше,
тем темней белизна,
тем пылинки истории чаще.

А когда
пришельцев выгнали — на полукадре — полуслове —
полустишь — в полусне,
бесы разрушения смеялись:
«Мы опять на вашей стороне».
А станок принадлежит стране,
обществу,
общине
и не подлежит выносу вовне.

Режиссёр искал новый дом и новый строил корабль.
Оператор уходил в болезнь и возвращался в работу,
но последней скорой санитары
пришли к нему прежде последнего кадра:
«Собирайтесь, — говорят, — время, время.
Мы у времени на транзите».
«Кто же так делает, да вы что?
Ну-ка, налейте себе грамм по сто.
Вот.
И мне.
А теперь — везите».

Входоиерусалимская церковь (Тотьма), в которой находится Музей мореходов

коло-оло-оло-оло-кольный
кора-ора-ора-ора-бельный
лодочку-ладонь качают волны
грот кренился словно крест нательный
дóма будут помнить
дóма помнить

сухопутный каменный корабль
шпилем чертит в небе словно циркуль
намечая маршрут
на синей карте
с белыми материками

те кто
в проповеди экскурсовода
в памяти потомков
названы с радостью
отправляются в небесную Аляску
полную облачной пушнины
где белокрылый индеец
вздымает огненный меч

и пока их поминают
на нижней палубе музея
им светло на том свете

Первый этаж от неба

Городская тетрадь

* * *

Ночь
превращается в
ночь на страницах книги,
в лепесток бумаги черничного цвета,
лиловую бусину на чёрной катушечной нити.
Есть три события ночи:
первые сумерки – синяя органза,
первые звёзды
и крепкая чернота – бутылочное стекло в трюме фрегата,
разглаживающего чёрный шёлк.
Когда эти события происходят,
всё остальное не важно.
Бокалы синего хрусталя выстраиваются в каре,
кукла заглядывает в глаза плюшевому медведю:
«Я должна кое в чём признаться»,
ёлочные шишки, убранные на антресоль, звенят на ватных постелях,
набирают воздух в стеклянные лёгкие.
Герои книг прожили всё, что и мы, но намного сильнее,
их верность крепче,
их боль горячее,
их смерть неизбежней.
И только ночь
наступает так же.
Будь внимательней,
не пропусти её приближения.

* * *

О Дне
Валентина я узнала из
культового журнала
«Трамвай»
в 1991
г.

- надо печь печенье сердечком
- вырезать сердечко из картона
- сшить подушечку в форме сердца

Праздник чистой формы, возвышающейся над содержанием.

И потом
на уроках английского
в младшей школе мы переписывали
правильные фразы пожеланий
устраивали соревнования
кто смастерит больше
сердечек
кто

- успешнее скроет имя
- проявит себя в рукоделии
- угадает всех авторов полученных десятков ♥

В классе постарше я получила письмо

на прямоугольном клетчатом листе, на русском языке, подписанное настоящим именем мальчика из параллельного. В письме говорилось, что я могу на него не отвечать. Я не ответила, потому что не понимала, какое отношение это имеет к Дню Валентина, празднику Чистой формы?

С тех пор Св. Валентин не даёт мне счастья сердечком – только лучшие краски, дорогую бумагу, увлекательные уроки английского языка.

* * *

Вокзал Клода Моне.

С него уходят трёхмачтовые поезда
детского планирования.

В 17 лет – первый поцелуй, в 21 – роковая страсть,
в 28 – дочка.

*Ваш поезд опаздывает на девять лет,
приносим извинения за доставленные неудобства.*

Под крышей вокзала Ветер
говорит школьнице элитной школы:

– Главное, помни, что ты свободна и нет ничего невозможного.

– Какой ты глупый, Ветер! Ветер в твоей голове.

Кто же это забудет? Будет тебе.

Во сне и с неизвестным продолжением легко раздавать советы...

Приходи наяву!

– Когда тебе нужно напомнить.

Когда ты будешь готова.

А сейчас – мне ещё ко многим успеть.

Как даты, будни и годы,
когда табу наготове,
куда-то карта укажет
ко где-то будке билетной,
в открытый мир этой жизни.

* * *

До полудня Ассоль, после полудня – Сольвейг,
практически бестелесна, как апрельские перелески, что поют,
но не греют,
любовь – словно соль, словно крупный снег
в жёстких лучах надежды.
Где ты, в будущем или в прошлом? Что перед твоими
слепыми глазами –
моря солнечный блеск?
В настоящем пробел, пустота, вакуум, невесомость.

Но когда настоящее подходит так близко, как будто имеет право
(не спасают ни стены и ни одежда),
касается самой кожи,
заходит в уши и ноздри,
вылепливает тело, укутывает в рубашку,
в кармашек нагрудный, левый,
кладёт птенца с часовым механизмом,
ты понимаешь, что тебя впервые не обманули,
что вода морская растворяет все сувениры и ожидания.
Можешь строить корабль,
выходить в дорогу.
Делай что хочешь,
только не жди на месте.

* * *

Если собрать следы за всю осень в дерево,
получится ли оно как тот полнокровный дуб, щедрая
охра, или как та чернопалая липа, пересчитывающая
последние золотые?

Если собрать все слова, сказанные невпопад, слишком
тихо, слишком рано или поздно, соберутся ли они
в джаз или в сигнал воздушной тревоги?

— Что-то не то происходит: автобус имеет неверный
номер, уносит ночью в странный район, и ты не знаешь
ни одного возможного языка...

— Успокойся, так происходит со всеми, они просто
не замечают. Редкая осень. Давай порастём здесь
вместе. Дай мне свой лист.

* * *

Какое холодное место!
Тапки-колодки, пролёты-колодцы,
прямые углы однотипных конструкций,
трамвайные рельсы ведут никуда.
Вода
не уходит, как ни старайся.
И пошлая маска ярмарки на центральной площади.

Посмотри на это иначе:
оранжевая простыня листьев,
татуировки граффити,
трубы ванильного табака
и поверх всего –
голубые глаза костёла.
И – тепло за пазухой сквера.

* * *

От долгого несчастливого девичества
вместо этики вырастает рыбий хвост.

Девки-девки,
дайте сорочку
на одну ночку,
«укроп-петрушка»
и сапоги старшей сестры.

Бабы, вашим
дочкам-сыночкам
от тётъ — огонёчки
безвозрастной игры.

Комариной ниткой
вышита улитка
круглой дорожки
от двери до лета.
Своего-то нету
ни дома, ни угора,
ни ложа, ни ложки.

«Я родилась-то давно, а выгляжу
как *в тот год*, когда время остановилось...»

Только по туману,
то в конце мая,
то в начале июня,
можно увидеть —
нельзя прикоснуться.

Можно прикоснуться —
нельзя ухватить.
Можно ухватить —
нельзя выплыть.

* * *

Если установить прослушку в твоей голове,
ведь ничего не будет понятно.

Это транспонирование радиополилога:
слог неровный,
логос замутнённый,
логарифм непроверенный,
лот, не нашедший дна.

Оля, иди в монастырь,
моностиль,
монолог,
Гамлет тебе не напишет.
Который?
Все.
В сердце змеиная свадьба,
и каждая змейка
безвинна, безвредна и изумрудна.

Господи,
когда ты смотришь в это сердце, ты что-нибудь понимаешь?
Щебет высоколиственный на эзоповом языке...
От кого ты шифруешься, внутренний голос?
Чего ты боишься?

* * *

Анна-Мария-Тереза – специалист по раненым птицам:
она готовит им мягкую постель, тёплый ужин и добрые слова.
И когда они приходят, заворачивают раненые ноги
на тёплую постель, съедают раненым клювом добрый ужин,
отбивают раненым самолюбием мягкие слова,
она забывает о своих переломанных крыльях.
Анна-Мария-Тереза всегда носит белый халат,
хотя от него так плохо отстирывается кровь,
даже если кипятить его с хлоркой и антисептиком.
Но разве возможно иначе?

Птица, рассуждает она, ранена по определению.
Неранеными могут быть бегемоты, сурки, тараканы.
И она делает собственные раны незаживающими,
чтобы иметь право на постель, ужин и птичье пение.

А по ту сторону гор
живут противоположные птицы.
Они используют крылья, чтобы преодолевать расстояния
между бедным студентом и мастером всех наук,
между «не получилось» и «не может не получиться»,
между «споткнулся о скалы»
и «завтра девятидневный перелёт с нагрузкой».
Всегда здоровы к пению и полёту, они сеют и жнут, а в перерыве
вьют пуховую постель, готовят короткий ужин,
кладут подругам головы под крыло.

* * *

Добрый день
провалиться в постели...

...будто больной ребёнок:
высокое одеяло,
полнокровная книга
и малина из летних запасов,

только мы здоровые и большие.

...словно ночь
и всем всё равно,
мир на паузе,

но день.
Пусть один день обойдутся без нас.

...как две кошки,
что сворачиваются сердечком,
пока хозяева где-то бродят,

а мы — сами себе хозяева.

Пусть среди самых разных дней окажутся и такие.
В них особенно слышно, как идёт время мягкой походкой,
как оно сидит, когда ты притаился в мышинной норке,
и как тянется на облачном пледе,
зевает солнечным зевом,
фырчит треугольным носом.

* * *

Поддерживать при падении,
появляться по мысленному зову,
исчезать при прямом попадании солнечного света...
Это его работа, он же ангел!
Я и сама делала так, пока не ушла в бессрочный отпуск
по восстановлению крыл.

Психолог психолога слушает в тёмном подвале.
Врач врача наставляет: срочно в больницу.
Ангел ангела лечит игрой на флейте:
выманивает чёрный уголь,
обращает в горный хрусталь.

* * *

Глаже лака,
глаже чёрного зеркала телефона,
неиспользованной копирки,
закладываемой за валик машинки
между двух листов цвета кожи,
глаже долгих полей пластинки
(ш-ш-шпок, иголка вздрагивает, и трепещет тёмный воздух:
memento mori)
длится по правую руку Везер.
По левую – идёт друг.

Впереди-позади огни,
дни,
одни – как сердолик,
другие – как лимонные леденцы с лакричной посыпкой.

Мгновенье тянется, как
сливочная тянучка,
как глоток дорогого ликёра,
как последние две страницы
упоительной книги.
Под средневековые камни
ныряет крыса.
«Какая большая, прямо шиншилла», –
говорит мой друг.

Иголка подпрыгивает быстрее,
ветер кидает отраженья на воду,
щёлкают железные буквы
по листу бумаги,
по чёрной ленте.

Пробегают крыса-шиншилла.
Сколько раз
откроешь
пустой флакончик из-под духов,
привезённых из дальних
далей?
Из — уже — прошлого века?

Послевкусие на языке:
лакрицы
и какой-то цитаты,
пока ты —
путь иглы всё короче —
не дойдёшь до конца страницы —
дзинь —
готово,
и смена кадра.

Вынимаешь из сердца,
кладёшь в конверт,
на конверте пишешь: «Крыса-шиншилла»,
помещаешь в ящик с биркой «Моменты»
и открытым замочком «Mog».

* * *

В маленькой комнате под самой крышей
дождь подходит так близко,
так близко – ветер,
потому что это первый этаж от неба.

Там, где вчера горлицы бурлили и закипали,
сегодня хлопает крылом сама крыша,
будто дом проверяет свои силы перед полётом.

Так бывало на даче: мокрые гроздья сирени,
банки, переполняемые водой,
и недописанная книга...

Или на корабле:
в раме окна всё небо-небо,
а под ним, верно, море-море...

Или в маленькой комнате под самой крышей,
но не в нашем стабильном мире,
полном жестокости и абсурда,
а в какой-нибудь старой сказке.

Кто-то колдует по тайным книгам,
оттого и ветер взволнован,
летает по крышам и всех целует
и сотрясает в своих объятьях...

* * *

Хотела купить халат.

Первый был пушистый и с ушками, но совсем синтетический.

Я побоялась задохнуться от неестественности.

Второй был откровенно женственный:

«Повод настолько торжественный, что я надела свой white tie reignoir». Легко оказаться неуместной.

Третий был обыкновенный, как «женщина должна уметь готовить», как «желаю успехов в работе и счастья в личной жизни».

Как же завтра? Что же надеть по такому поводу?

*Он приходит с мороза в пальто, пахнущем транспортом,
она открывает дверь
в домашнем халатике,
они стоят, обнявшись, долгую секунду
и сквозь ткань слышат биенье сердец друг друга.*

Новогоднее

Зовут её Герти, говорят, их привозят из Дании,
королевская выправка, пышный хрусткий подол,
иголки толстые, как страницы подарочного издания,
самолёты и поезда, и часы, и гирлянда в пол.
В Эльсиноре праздник: связь времён, все дела, страдания,
итоги года, который почти прошёл.

Кипят котлы, точат ножи,
начинаем новую жизнь —
всё по-старому, всё по-прежнему,
на еловой крови,
на забытой любви,
на странице песка прибрежного.

Посестримся с ёлкой
большими стеклянными серьгами, как с майской берёзкой.
Поселятся в хвое
боль и хвори, желания и жалости, сладости-конфеты,
огорченья-печенье,
унесёт их с собой
и со старым годом
её рождественское свечение.

А ведь сколько Гертруда была замужем за Клавдием?
(Складки штор, клавиши инструмента, клад под сердцем,
love forever.)
От коронации и до последнего бокала вина.
(Наполним фужеры! И не забудем о тех, кто в тюрьме,
кто на войне и в подполье, кто на днях умер, не всё ж про
любовь. Бум-бум, полночь.)

Квартал? Семестр?
А ты жалуешься, что у тебя было мало времени?
Да целая вечность!

Не жалей, отпускай,
по воде,
по огню
и песку.
Пилят небесные пилы,
рубят небесные топоры,
стеклянный домик качается на суку.

* * *

Конфеты
оппадают с ослабевших веток,
как спелые яблоки
на исходе лета.

Ёлка роняет иглы,
как простые листья,
постаревшей Брунхильдой,
некогда вечно юной,
но обретшей и дом, и смертность.

Пусть кончается то, что было,
если и вправду было.

Ты зажигаешь свечу,
держишь её над подсвечником:
«Она погаснет, если я сейчас её отпущу».
Огонь разгорается,
ты разжимаешь пальцы,
свеча падает в керамический дом.

Не отпускай меня раньше срока...
Не сейчас...
Не сейчас...
Сейчас.
Мы, кажется, всё успели.
Так много, хоть начинай сначала.
А эту страницу
дописали до среза.

Я снимаю шары,
как девушка с виноградом.
Ты прощаешься с ёлкой за руку.
Нам ещё нести её вниз по ступеням.

С неба
не обязательно падать.
Можно
сначала спуститься,
потом подняться.

* * *

Где бы ты ни шёл:
по убранном мостовым,
паркету,
покатой крыше —
ты всегда идёшь в темноте.
Листья тревоги трепещут на стволах усталости.

Где бы ты ни плыл:
в лифте на двадцать первый этаж,
на эскалаторе,
на туристическом катере —
ты всегда плывёшь в темноте.
Волны усталости набегают. «Попутной тревоги!»

И когда ты достигнешь цели,
то пришвартуешь плот,
отряхнёшь глыбы глины с ботинок,
расседлаешь усталости и тревоги,
прежде чем войти в шатёр.

Своды его вышиты синим и золотым,
основание в стрельчатых красных листьях,
шатровая ель украшена огоньками.
На ней столько солнц, сколько ты был в дороге.
На таком удаленье они кажутся звёздами.

* * *

И всё-таки он из породы ангелов:
он принял эти ладони,
эти морщинки у глаз,
эту кожу,
чтобы ты не боялась его настоящей формы.
Читай послание сквозь конверт:
и твоё тело
сможет любить,
родить
и, как в детстве, бродить по апрельской воде
в резиновых сапогах,
если ты
остановишься
и начнёшь говорить с людьми.

С людьми, с людьми,
а не с теми, кто принимает их форму.

Ночной рейс

Это гнилушки на болоте,
тление угольков,
свечение водорослей в океане,
отражение галактик...
Каждый видит лишь то, во что он готов поверить,
и когда пролетаешь над городами,
видишь вышивку чёрного бархата золотой-серебряной нитью,
но не расстояния, которые под ногами.
Упираясь ступнями в воздух, ты веришь в это?
Чудеса противны природе, но также любимы ею,
как бокал вина встревоженным человеком.

Город Тави кудрявит реку, веснушчится фонарями,
миллионами колокольчиков тоньше крылышка мухи,
учит быть для себя,
собой и себе в угоду
совершать чудеса, часто и понемногу, так легко и искусно,
и верить в момент свершенья.

Город Руна похож на лаву, что расплзается из вулкана,
никогда не спит, никогда не остывает,
носит крест росстани и четырёхлистный клевер развязки,
закрывает всю землю до горизонта, вскидывает руки:
«Возвращайся ко мне,
мы сделаем мир богаче!»

Ти-ри-ли

Книга-деревня

* * *

Время — это пустота между спицами колеса,
полная запаха цветущего донника,
частиц глины
и крови неизвестного животного,
может быть
единорога,
вымершего оттого, что в него перестали верить,
может быть
мыши,
чья хата была слишком близко от края дороги.
Время становится видимым при косом освещении,
как движение воздушных потоков разной температуры,
как вода, оловянная на большой глубине.
От долгого нахождения под такой водой
предметы ржавеют, краска размывается, смыслы
покрываются илом.

Баба Манефа

– Ба-ба Ма-не-фа-а! А вы с нами не поговорите?
– Идите отсюда, говорила же: по субботам не надо ходить!
По субботам баня, дети скоро приедут. Ничего не скажу.

Заходит в дом, закрывает дверь.

– Ба-ба Ма-не-фа-а! А почему вербы над дверью?
– А защищают. Срываем их и крестим.

Садится перед окошком, кричит сквозь стекло,
тюлевые занавески, крупные розовые герани.

– Ба-ба Ма-не-фа-а! А крестите в церкви?
– А говорим словами:
«Боже-святой-боже-крепкий-боже-бессмертный-помилуй-нас».
Они и окрещены.

По стеклу плывут облака. Синее небо, острое солнце.

– Ба-ба Ма-не-фа-а! А мёртвых когда поминают?
– А до обеда.
Это уж я как-то пришла после работы, там всё зашумело...

Слова, словно капли, становятся чаще: дождичек, ливень, река.

– Ба-ба Ма-не-фа-а! А в какие дни?
– Девятого мая хожу. Раньше стопку ставили,
теперь сами не пьём. Так, печенье.

Резной наличник с красными звёздами словно рамка для фото.

- Ба-ба Ма-не-фа-а! Так хорошо говорите. Выйдите на крылечко!
- Да что же вы окаянные, некогда мне с вами!

Уходит топить баню. Облака продолжают плыть в пустых стёклах.

Семь земель тётки Анисьи

Г. В. Д.

Плат, закрывающий дверь, присвистывает и втягивается,
а потом надувается, копошится, поймал кого-то,
выплёвывает снег.

Огромная тётка Анисья
вваливается в дом,
начинает раздеваться.
— Чего стоишь? Помоги!
Подставляй ладошки!

Верхний платок — пуховой снежный покров,
иди осторожно маленькими шажками,
на широких лыжах,
провалишься по подмышки,
занесёт по макушку,
километры и мили.

Второй — герой,
красная кровь, маки и звёзды,
молодость налитая,
сладкие губы,
горькие похоронки.

Третий — бурый и потемневший,
ржавые мины,
годы воспоминаний.

Средний — груботканая глина,
пахота, сердцевина,
вспахан на бабах,
засеян горем,
а поди ж ты, плодоносит!

Следующий – зелёный в синий цветочек,
слединочка не проложена,
шёлковый луг,
медовые васильки,
шмели и колосья.

Шестой – вышитой,
расстелешь его, словно карту,
вот эта тесьма – не наша ль Ухтомга?

Седьмой – с ладошку,
тоненький, как пелёнка,
беленький, как душа.
Его крохотная тётка Анисья,
семена к столу-самовару,
не снимает.

Тёплое одеяло памяти

Синий лоскут:

помню, бабушки пели старинные.

Моя бабушка ходила в церкву, а я за ней бегу, держусь за подол,
крашенник-домотканник....

Зелёный лоскут:

а когда похоронка пришла,

тётка Амаиса вывесила его форму во двор
и запричитала над ней...

Жёлтый лоскут:

было у меня платьице детское, ни у кого такого не было.

Отец привёз из оттуда.

Я потом перешила его в блузу...

Чёрный лоскут:

мама из своего траурного платка

сшила мне фартук.

Школа на погосте за семь километров...

Пёстрый лоскут:

выбросили отрез с огурцами.

Все себе и нашили, кто уж чего удумал,

и ходили как инкубаторские.

Красный лоскут:

хотела послать ей такую же кофту, а им там нельзя

ни одной красной нитки,

пришлось перекрасить.

В мелкий горох:
было у мамы платье, потом стала юбка,
потом для сестры сарафан и мне ещё на косынку,
потом стало халатом,
из халата мешок для яблок,
из мешка лоскуты да верёвки.

Баба Галя

Выпейте по пять капель,
сейчас принесу винца.

тирили-тирили

А то ходила на праздник в учительскую семью.
Сидят все такие культурные,
ну, думаю, сейчас вам устрою.

тирили-тирили

Вышла, вернулась.
Ботинок с левой ноги на правую ногу
и носами в разные стороны.
Вилкой как в кого ткну: «Тебе — выпить!»
Напела писен-то с матюками.
Они смеются.
Под утро все учительницы матюкались хорошо!

тирили-тирили

Да что вы лачете, как котёнки!
Допивайте.
Зла на меня не оставляйте.

тирили-тирили

А то на похороны зовут.
Прихожу, все такие культурные и не ревят.
Стоят, да и всё.

тирили-тирили

Запричитаешь, так всем и жалко, всех расклеишь.
Сердцу тяжело, дак как без причета?

тирили-тирили

Хоть клубники поешьте. Мелкая в этом году.
Этакие вши, не хочется и собирать.

тирили-тирили

По мужу ревела, никак остановиться и не могла,
к бабке ходила.
Он хороший был, когда трезвый.

тирили-тирили

А как пьяный, запустит в меня тазом.
Ой, бабоньки, говорю,
я сегодня работала влатарём,
перво место заняла!

тирили-тирили

А то замахнётся, а я и бежать.
Ой, бабоньки, говорю,
я сегодня работала бегуном,
перво место заняла!

тирили-тирили

А назвали Галиной.
Была у нас деушка, умерла.

Баушка сказала: назови Галиной, может, и эта умрёт.
Я ж одиннадцатая, кормить-то нечем.

тирили-тирили

Ну, с Богом, девки, красивые, счастья вам!
А то так ночуйте, не жалко!
Я бойкáя, я вам сколь хошь напою.

тирили-тирили

тирилирили

тирили-тирили

* * *

Отца забрали, сказали, что он кулак.
Однажды мать чувствует поутру:
Навалилось что-то лохматое. Как-никак
Знает, что нужно спросить: «К добру или к худу?»
«К какому добру, — говорит, — к какому добру!»
Отец пришёл, отпустили его оттуда.
Совсем плохой, доходить отпустили в дом.
И он почти что сразу и умер дома.
«Вот как не верить, — вспоминала она потом, —
Так чётко сказал: к какому добру, ну к какому...»

Баба Лестина

Баба Лестина

(«в церковной книге записано Лепестина, но буквы потёрлись; батюшка сказал, будут называть внуков, пусть Лестиной не называют»)

поёт:

«Как на кладбище Митрофаньевском
отец дочку зарезал свою...»
Как запоёт, так заплачет...

«Муж-от детей не любил. Велел дочку в лес нести».

И с царевой в лес пошла
и в такую даль свела...

«Я понесла, оставила, а та как закричит: “Мама!” Я её на руки.
И домой, мужу: “Знаешь, что, тебя я брошу. А детей — нет”».

А вокруг долгие сосны, кипит иван-чай, чистый сладостный Васнецов.
Прошлое — желтоглазые волки, в здоровой памяти никто туда ни ногой.

Только девяностолетняя Лепестина вспоминает:

«А потом что надумал!

Чтоб не платить алименты, решил отсудить детей.

“В детдом, говорю, отдавайте, только не ему!

Он ребёнка в лес велел отнести”.

Спрашивают: “Это правда?” — “Ну дак я не мог привыкнуть”».

Лиловые лепестки, острые листья, тычинки, белые, как ресницы.
И вода торфяная, течёт со скоростью шесть километров в час.

А ещё поёт про «на твоей одинокой могиле».

«Подружка попросила, мол, спой на моих похоронах.
Люди плакали. А я думала: “Одинокая. А какая ж одинокая?
Вот тётка, вот мать, вот сестра. У высылных, у тех одинокая.
Бором всё заросло, и не найти. И сын-от один.
Не один, с другими детьми из больницы”».

А по берегам туман как меховая опушка.
Лес темнеет.
Прошлое обступает, как лес, и страшно в нём оставаться.
Ничего не разглядеть, многое уже и не вспомнить.
Буквы потёрлись.

Хрустнула ветка.
Жёлтые огоньки.

Не оставляйте меня здесь одну.

Урок чистописания

Отец не держал обиды на советскую власть.
Можно сказать, камня за пазухой не хранил.
Переписывая набело: любил.
Может быть, чего и хотел рассказать, но мать ему не давала.

У матери и своя мать, моя бабушка, тоже сидела.
На полях: она была очень честная, даже слишком.
Дала зерна двум солдаткам с детьми,
кто-то и настучал.
Всех троих посадили.

Переходя к главному тексту:
И мать написала письмо *туда*.
А почерк у неё был такой ровный, красивый, что загляденье!
Через полгода выходит как-то из школы, а там бабушка,
похудевшая, в отрепьях, стоит поодаль.
Смотрят друг на друга, а обняться не смеют
(мама учительница, мало ли что).

Так бабушка и пошла в свою деревню ещё пять километров.
А мама обратно в школу,
вести урок:
«У Шу-ры ша-ры. Ма-ма мы-ла ра-му».
Много ведь писем писали,
говорят, не все читались,
а её — такое красивое, ладное, загляденье — прочитали.
Вывод: (мама всегда говорила) учитесь красиво писать,
учитесь, учитесь, учитесь.

Вот мы выучились, разъехались.
И никакой в нас обиды.
Вот это мама. Вот это мама с отцом.
А бабушкиной фотографии не сохранилось.

* * *

Ах, как жду, говорила Варя, как жду, завтра-завтра,
хоть какие-то детали узнать, какие-то хоть детали...
Получила – пропала.

Я искала деда в списках, тоже в архивах везде искала,
наконец услышала, у камня, Соловецкого камня назовут
поименно всех.

Надо ехать, думаю, думаю, надо ехать.
И нашли его в книгах, в книгах нашли, что он в Ленинграде
был расстрелян.

А пока стояли, разговорились с Варей, пока стояли,
у неё-то священник дед, священник дед
тоже расстрелян.

И мы стали писать друг другу, писать друг другу,
вот она мне писала: ах, как жду, как жду я
протокол допроса.

Я-то свой протокол получила в местном архиве, такую папку,
вот такая папка пришла, пакет такой, и узнала,
что дедушка был эсером,
вступил в партию ещё до революции,
печатал листовки,
имел кожевенный завод.
Я ж ничего не знала! Раньше молчать было надо, молчали раньше,
а сейчас все умерли дети,
а внуки и не видали.

Вот читаю, что был эсером — это были эсеры до коммунистов, — и что печатал листовки — видимо, был печатный какой-то аппарат, — и кожевенный завод имел — но, наверное, просто сарай, все же держали коровушек, телят, надо было, — а Бог его знает, может, и под шаблон они писали, но хоть что-то я узнала, я же вообще ничего не знала!

А потом я спросила всё-таки Варю: ну как? — спросила.

А она говорит, она говорит:

«Там

таким языком написано, такими словами,

что священник не мог сказать

так,

такими словами.

Ничего

мы

не узнаем.

Ничего

не узнаем».

Палыч

Палыч, пока не пьяный,
с утра сидит смотрит через стекло
на лилии, яблони.

Тело, как ствол, худое и загорелое,
высох весь по жене.

Надежда Николаевна, пионервожатая, активистка и комсомолка,
ходила к нему первый год после смерти,
каждую ночь до двенадцати.

Сидела на кухне, разговаривал с ней как с живой,
а ухватить — никак.

Потом весь день дурной, ничего делать не может.
После обеда Палыч совсем никакой,
сопли текут по усам,
глаза вытекают слезами.

К знающей бабке водили, она что-то наговорила,
и жена ходить перестала.

А он всё равно скучает.

Молодая горожанка говорит:

«У него уже такой распад сознания, что его и слушать не стоит.

Он больной человек, но интересно,
что он облекает свой бред в формы традиционной культуры».

Сама вспоминает: первый год, как муж её бросил,
каждое утро слышала звонок по скайпу,
пыталась проснуться, нажимала «Ответить».

Говорили как раньше. Абсолютно как наяву.

А потом просыпалась ещё раз, в мире, где ноутбук закрыт.

И весь день ходила дурная, ничем не могла заниматься.

Подруга сводила к психологу, он что-то наговорил,
и звонки поутру прекратились.

Палыч превращается в яблоню, кривую и суковатую.
Два синих яблока
каждый день под водой.
Надежда Николаевна становится птичкой варакушкой,
садится на ветку,
поёт:
«Там вдали, за рекой догорают огни...»

* * *

Луч,
на закате срезавший верхнюю ветку дерева,
снежинки, невероятной чёткости,
имели смысл, когда мы показывали на них друг другу,
ягоды становились сладкими в момент, когда ими угощали
ты меня, а я тебя
и целовали в ладошку,
мама,
а когда я была одна,
я не знала, что делать с этими
остроносыми собаками,
севшими на руку бабочками,
школьными мелочами,
не знала, как есть эти ягоды.
И тогда я научилась заготавливать их в стихотворения.
Стеклянная банка формы, немного языковой игры для консервации,
главное — сохранить свежесть
для относительной вечности,
пока не донесу до тебя
или наших гостей
ягодные года, вёдра впечатлений...
Было странно, когда кто-то спрашивал: «Стихи — это ваше призвание?»
Было сложно, когда кто-то целовал мои руки, но не ел моих ягод.
Я учусь поедать всё это сама, с ветки:
орехи решённых задачек,
чернику тёплых закатов,
барбарис недоразумений.
Уговариваю себя: если о чём-то нельзя написать СМС,
просто переживи, съешь с куста (такого вкуса, как
прямо с ветки, не бывает никогда после).

Я возвращаюсь из экспедиции, ты снимаешь куртку,
чтобы постирать, достаёшь из кармана крошки,
бумажки и несимпатичный блёклый комочек.
Это белый шиповник, раньше у нас рос под окном,
потом его выкорчевали, чтобы провести трубы.
Я увидела и захотела привезти тебе, но он сморщился и завял.
Ты говоришь, что он ещё пахнет, и относишь в комнату,
полную моих зарисовок за последние тридцать лет,
прикрепляешь в уголок картины.
В комнату, в которой я теперь бываю так редко.

Ангеловы кружева

Ниточка дороги
идёт под ногами прямо,
перекрещивается с другою,
поворачивает направо,
закручивается в улитку,
завязывается узелочком
и снова расходится со своей товаркой
и идёт под ногами прямо,
всё дальше от места встречи.

Ангеловы кружева
плетутся из наших судеб.
Симметричный узор
виден, когда поднимаешься к облакам.

Иные ангелы что коклюшки
с тончайшей шеей и длинным телом,
другие острые, как иголки,
их крылья — заточенные мечи,
а те и вовсе складываются крючком,
из-под земли достанут и выведут к свету.

Солнечный зайчик прыгает по обоям,
золотой клубочек.
Беги за ним,
мимо точек, цветочков и закорючек,
попадая в омуты фотографий,
перелетая по сиреневым лепесткам букета,
выпрыгивая в окошко,
сливаясь со всесветлым солнцем.

Содержание

Дуб колыбельный

«Всё было наполнено смыслом...»	5
«Соседка выполола молодую здоровую лебеду...»	6
«Ду-душа...»	7
«Страница, переползаемая жуком...»	8
«...Но всё имеет форму и число...»	9
«Закипает небо...»	10
«Вечер гаснет...»	11
«Дневная темнота леса...»	12
«Дерево-дева держит...»	13
«Камни поют – перекаты...»	14
Калитка	15
Тропинка	16
Древо	17
Почва	18
Грядка	19
Клумба	20
Ходун-трава	21
Вертоград	22
Колодец	23
Мостик	24
Карта	26
Веранда	27
Сувенир	28
Перекрёсток	30
Повилика	31
Письмо	32
Индюк и павлин	33
Заколачивая окна	36
Птичий парк	37
Снегопад	40
Оттепель	41

Беседки и лестницы	42
Весна	50
Ручьи	51
Нагромождение камней.....	52
Статуя	53
Лабиринт (Тесей)	54
Часики	56
Предел	60
Листок	61
Как растёт трава	62

Полая память

Церковь Марии Помощницы	65
Рыбинское водохранилище	68
Успенский собор в Ростове Великом	70
Аннакирхен	72
Церковь Анны Кашинской	74
Церковь Тихвинской Божией Матери	75
Церковь Спаса Преображения на Песках	76
Входоиерусалимская церковь	78

Первый этаж от неба

«Ночь превращается...»	81
«О Дне...»	82
«Вокзал Клода Моне...»	84
«До полудня Ассоль, после полудня — Сольвейг...»	85
«Если собрать следы за всю осень в дерево...»	86
«Какое холодное место!..»	87
«От долгого несчастливого девичества...»	88
«Если установить прослушку...»	90
«Анна-Мария-Тереза — специалист...»	91
«Добрый день...»	92
«Поддерживать при падении...»	93
«Глаже лака...»	94

«В маленькой комнате под самой крышей...»	96
«Хотела купить халат...»	97
Новогоднее	98
«Конфеты...»	100
«Где бы ты ни шёл...»	102
«И всё-таки он из породы ангелов...»	103
Ночной рейс	104

Ти-ри-ли

«Время – это пустота между спицами колеса...»	107
Баба Манефа	108
Семь земель тётки Анисьи	110
Тёплое одеяло памяти	112
Баба Галя	114
«Отца забрали, сказали, что он кулак...»	117
Баба Лестина	118
Урок чистописания	120
«Ах, как жду, говорила Варя...»	122
Палыч	124
«Луч, на закате срезавший...»	126
Ангеловы кружева	128

Лета Югай. Вертоград в августе

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 25.09.2020
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 8,25.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6044237-8-3

9 785604 423783

Лета Югай родилась в Вологде. Окончила Вологодский государственный педагогический университет и Литературный институт имени А. М. Горького. Кандидат филологических наук, доцент Liberal Arts College Института общественных наук РАНХиГС, автор монографии «Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке». Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Звезда», «Дружба народов», «Новая Юность» и других. Автор нескольких поэтических книг, в том числе «Между водой и льдом» (2010) и «Забывать-река» (2015). Лауреат премии «Дебют» (2013). Живёт в Красногорске.

ISBN 978-5-6044237-8-3

9 785604 423783